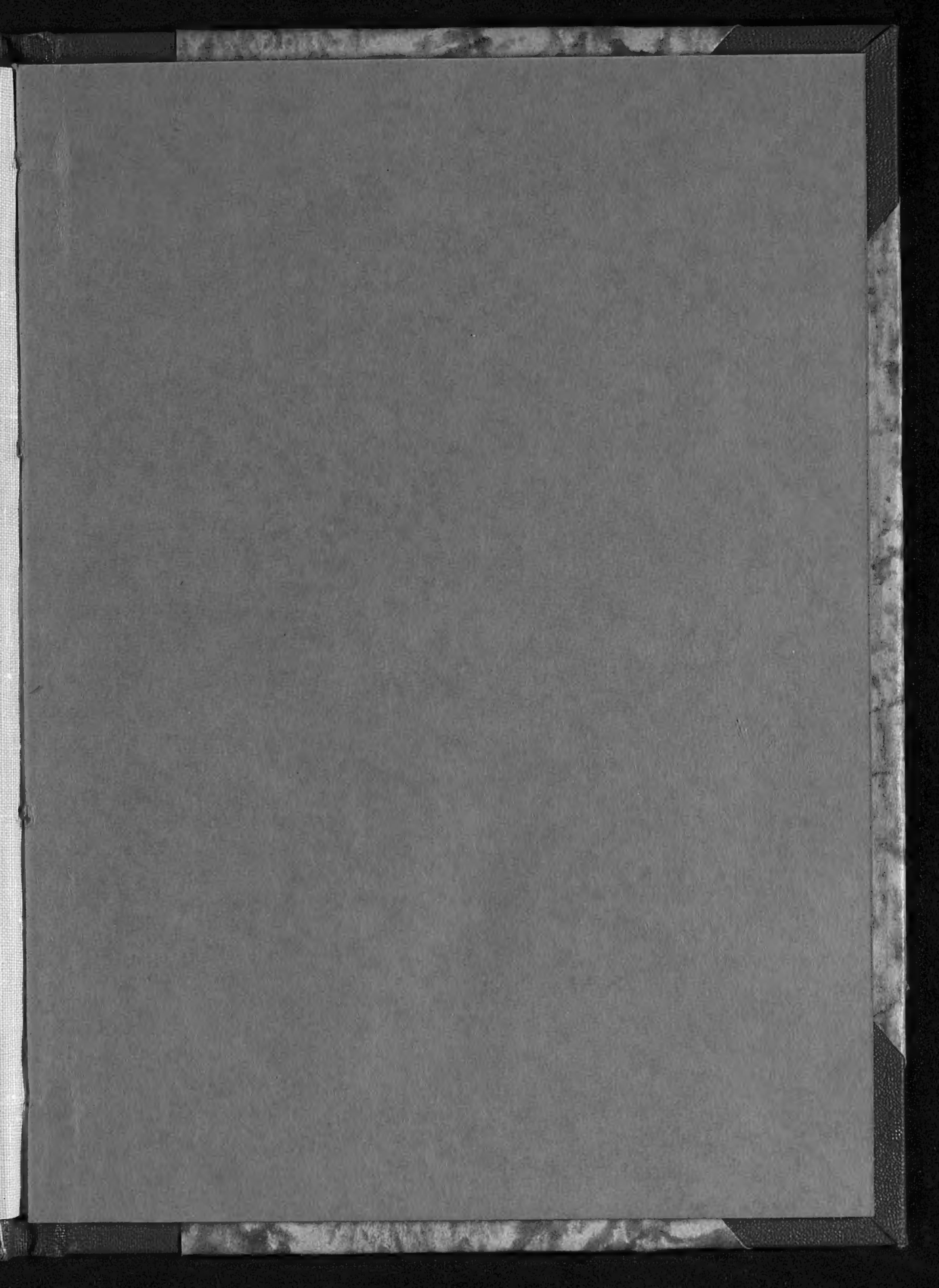
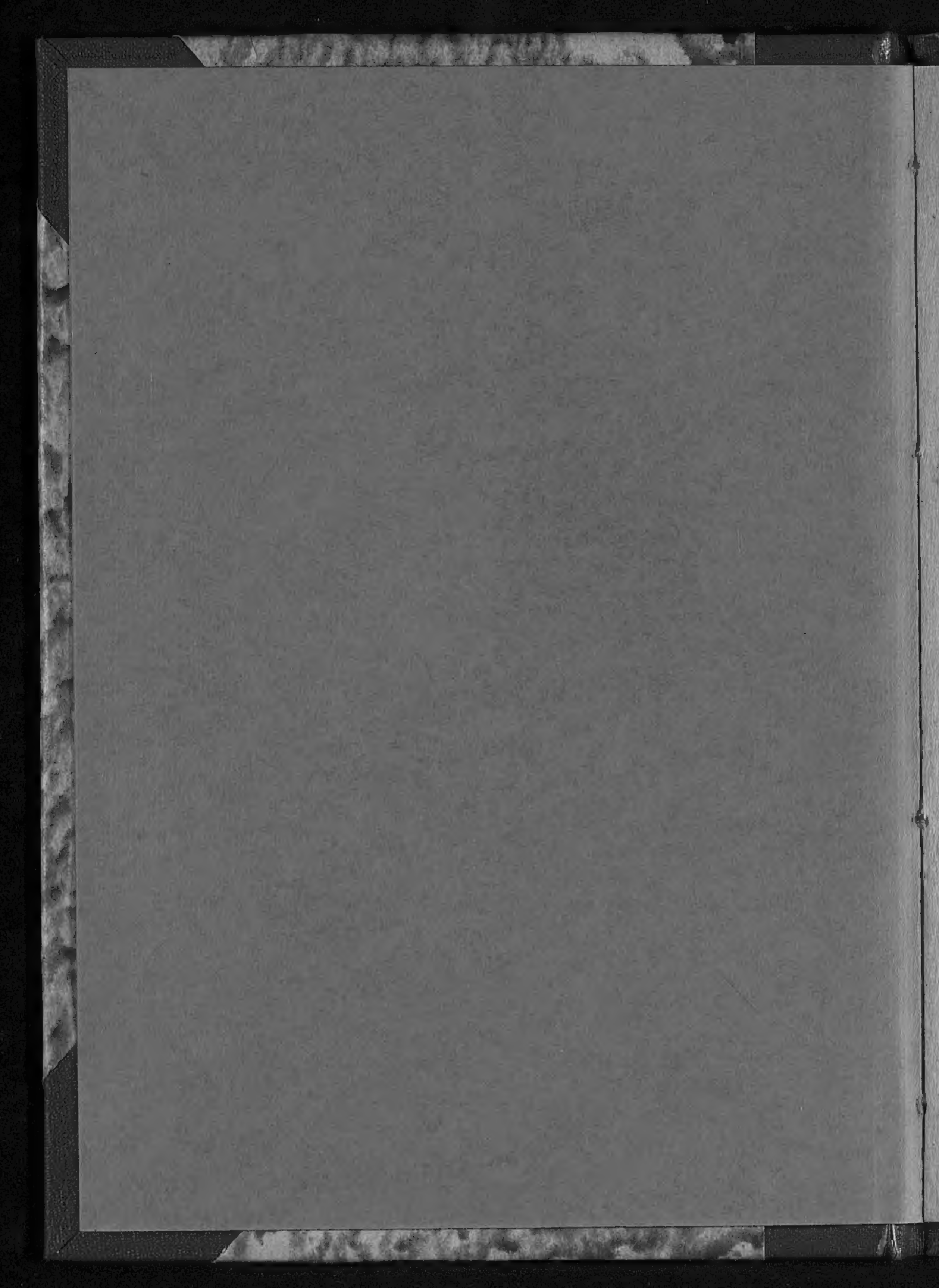
Смирнова
Черная
сотня.

№324630.

Черная сотня.

Въ Казани въ одномъ книжномъ складѣ выставлена картина «Крамольники въ аду». На тронѣ сидитъ сатана, а по бокамъ его тоже на тронахъ, только поменьше, графъ Витте и князь Долгоруковъ. Дальше возсѣдаютъ на бочкахъ всѣ члены Государственной Думы.

Эта карикатура на Думу продается открыто, совершенно такъ же, какъ годъ назадъ продавались на Невскомъ карикатуры на министровъ и на все высшее правительство. Только вмѣсто Трепова и звѣздной палаты посадили на бочки Гредескула, Винавера, Муромцева. Говорятъ, что распространяетъ ее русское духовенство. Наслушавшись въ Думѣ всевозможной брани по своему адресу, оно отплатило ей тѣмъ, что посадило ее на бочку и отправило въ адъ къ сатанѣ.

Это похоже на анекдотъ, но поклонники первой Думы находятъ, что это прескверный анекдотъ. Лубочныя картинки были хороши, когда онѣ представляли въ смѣшномъ, даже гнусномъ видѣ правительство, но когда стали выпускать лубочныя пародіи на депутатовъ, они пришли въ негодованіе. Чего смотритъ начальство? почему не уберутъ эти мерзкіе листки? Подъ этимъ негодованіемъ кроется еще другое чувство— страхъ передъ тѣмъ призракомъ, который носится надъ Россіей еще съ октябрьскихъ дней прошлаго года. Призракъ то появлялся, то снова исчезалъ, и когда имъ казалось, что онъ сгинулъ окончательно, онъ вдругъ, какъ крыло гигантской птицы, заслонялъ имъ свѣтъ.

Этотъ призракъ—черная сотня. Она ходитъ, какъ тѣнь, за нашей революціей, разстраивая ей воображе-

ніе, лишая ее сна. Правительство и его кары реальны, тутъ можно вычислять, взвѣшивать шансы, но какъ отразить эту темную силу, какъ сосчитать ея бойцовъ?

Одно время казалось, что ихъ совсѣмъ немного. Черная сотня притихла и отовсюду съ позоромъ изгонялась. Ее стали прямо истреблять. На фабрикахъ и заводахъ началась радикальная чистка отъ черносотенцевъ. Сознательные рабочіе хватали ихъ, завязывали ихъ въ мѣшокъ, вывозили на тачкѣ и бросали въ мусорную яму. При этомъ объявляли, чтобы они больше на заводъ не возвращались, иначе будутъ убиты. Или ставили ихъ на горячую плиту, тогда черносотенцы моментально раскаивались и просили прощенія.

Иногда сознательный рабочій, подбѣгая съ револьверомъ, говорилъ: «Тебѣ, черносотенецъ, гостинецъ приготовилъ!» и выпускалъ въ него пулю. Въ новомъ арсеналѣ сознательный рабочій, юноша 19 лѣтъ, зарѣзалъ главнаго заводскаго черносотенца Горшкова. Послѣ этого юноша безъ сопротивленія отдался полиціи, заявивъ, что онъ исполнилъ свой долгъ. Но обыкновенно юноши предпочитали не отдаваться полиціи и благополучно скрывались, чтобы имѣть возможность исполнять свой долгъ и впредь. Такъ былъ убитъ на митингѣ рабочій Лавровъ, изъ союза русскаго народа, и рабочій Мухинъ изъ союза русскихъ людей. Убивали конечно самыхъ энергичныхъ и смѣлыхъ черносотенцевъ.

Но недовольствуясь истребленіемъ отдѣльныхъ лицъ, хотѣли искоренить всю организацію. Подъ угрозой бросить въ пылающій горнъ требовали выдачи сообщниковъ.

Это называлось въ печати оздоровленіемъ среды. «Повсюду рабочіе заняты дѣятельнымъ оздоровленіемъ своей среды» — объясняли газеты. Поставивши человѣка на горячую плиту, вырывали у него всевозможныя отреченія и клятвы, и поздравляли себя съ тѣмъ, что такъ быстро просвѣтили русскаго рабочаго.

Изъ черной сотни началось повальное бѣгство. Многіе разъѣзжались по деревнямъ. Въ деревнѣ хоть и голодно, но не ждешь ежеминутно получить отъ сознательнаго товарища пулю въ бокъ или гайку въ глазъ.

Гдѣ же этотъ грозный призракъ, который витаетъ надъ нашей революціей? Черная сотня—вѣдь это, по ея словамъ, кучка отверженныхъ, это горсть негодяевъ, которые тщетно пытаются остановить ея побѣдоносное шествіе. Они дерзко называютъ себя истинно русскими людьми, какъ будто желая этимъ сказать, что революцію поддерживаютъ не русскіе люди. Вотъ этимъ-то кучка и опасна. Она хочетъ поднять изъ могилы мертвеца, который называется русскимъ патріотизмомъ. И хотя доподлинно извѣстно, что онъ умеръ еще въ годъ японской войны, и въ Портсмутѣ графъ Витте отпѣвалъ его, но истинно русскіе негодяи распускаютъ слухъ, что онъ живъ и до поры до времени гдѣ-то скрывается. Вся передовая печать объявила эти слухи завѣдомо лживыми, утверждая, что русскій патріотизмъ не только не встанетъ изъ гроба, но и жалѣть объ этомъ нечего, такъ какъ покойникъ всегда былъ самаго дурного поведенія: пьяница, воръ, крѣпостникъ, антисемитъ, однимъ словомъ хулиганъ. Теперь самое имя его надо вычеркнуть изъ памяти, и новая молодая Россія должна называться отнынѣ свободной федераціей польскихъ, латышскихъ, еврейскихъ, армянскихъ, финскихъ народностей.

На первый натискъ федералистовъ народъ отвѣтилъ такимъ разгромомъ, что полетѣлъ не только пухъ изъ перинъ, но стали бить, какъ фарфоровую посуду, самихъ федералистовъ. Били и даже не считали это за грѣхъ. На допросѣ у прокурора патріоты съ восторгомъ разсказывали, какъ они лупили враговъ родины, жалѣя только, что не убили ихъ всѣхъ. Одинъ купецъ сказалъ прокурору:

— Если вы противъ Царя будете говорить, то и васъ убью.

Мастеровой на митингѣ, послушавши «товарищей», крикнулъ «бей жидовъ» и кому-то далъ въ ухо. Боевая дружина его за это убила. Тогда къ митингу потянулись зипуны и, разогнавъ его, осадили въ клубѣ. Только губернаторъ съ ротой солдатъ спасли ораторовъ.

Потерпѣвъ пораженіе, федералисты поняли, что поторопились, врагъ еще силенъ, надо прежде ослабить и раздѣлить его. Они пошли въ народъ и сказали ему: «Хочешь, чтобы у тебя было много земли? Жги помѣщиковъ и иди за нами! Мы дадимъ тебѣ землю». Народъ заволновался. Ему не говорили: «Давай устроимъ федеративную республику», а «давай землю дѣлить». Какой-то студентъ въ Перовѣ показалъ первый примѣръ. Онъ сталъ дѣлить крестьянамъ подмосковную графа Шереметева, нарѣзая имъ по пяти десятинъ на брата. Въ деревню пріѣхали ораторы—учителя, статистики, присяжные повѣренные, лондонскіе эмигранты—и закипѣла работа. «Добрые господа! думадъ народъ. Земли намъ хотятъ нарѣзать» Вчерашніе федералисты, которыхъ онъ билъ кольями, досками, булыжниками, стали вдругъ лучшими друзьями его. Въ октябрѣ онъ еще гонялся за ними съ дубиной. Одинъ кузнецъ, увидавъ, что на улицѣ бьютъ студентовъ, сбѣгалъ домой за молоткомъ и пошелъ помогать. А въ декабрѣ за этими же студентами мужики сами посылали въ городъ звать ихъ къ себѣ.

— Тута ораторы проживаютъ?—спрашивалъ мужичокъ, позвонивъ въ квартиру.

— Нѣту здѣсь такихъ.

— Мнѣ сказывали, тута. Будьте добры, кликните. Лошадь гналъ, сходомъ порѣшили—привезть его. Харчи ему обрядили, ночлегъ по душамъ! валены ему привезъ... Какъ бы не зябко было... Наслышаны мы, помогаютъ они нашему брату.

Ораторы дѣйствительно помогали очень усердно. «Видишь?—говорили они, показывая на чужія усадьбы,— все твое! Приходи и бери». Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣйствительно стали брать, но въ общемъ народъ хотѣлъ, чтобы земли ему нарѣзала Царская Дума.

Черная сотня въ Думу не попала. Она не раздавала чужихъ подмосковныхъ и была постыдно разбита на выборахъ.

Въ упоеніи побѣды федералисты о ней забыли. Они думали, что дни ея уже сочтены. Но вѣсть изъ Бѣлостока, какъ ударъ грома въ ясный іюньскій день, потрясла стѣны Таврическаго дворца. Опять черное крыло призрака промелькнуло надъ ними, оледенивъ ихъ своимъ дыханіемъ. Погромъ въ Бѣлостокѣ устроило правительство! кричали въ Думѣ. Полиція, министры, войска! кричала еще громче еврейская печать. Но никто даже шопотомъ не смѣлъ произнести слово, о которомъ всѣ подумали въ душѣ. А что если это онъ, отпѣтый въ Портсмутѣ покойникъ? Что если онъ еще живъ? Тамъ, гдѣ надъ нимъ особенно нагло издѣвались, гдѣ топтали его въ грязь, онъ вдругъ пробуждался отъ сна и наносилъ удары плясавшимъ на его могилѣ.

Три депутата съѣздили въ Бѣлостокъ и привезли оттуда извѣстіе, что все это было дѣломъ громилъ, которыхъ наняла полиція бить жидовъ, что никакой ненависти къ евреямъ среди населенія нѣтъ, но русскіе офицеры сами приводили солдатъ на грабежъ и говорили имъ: „Ну-ка, ребята, поработайте хорошенько въ этомъ магазинѣ!“ Солдатъ подготовляли, нарочно натаскивали на погромъ, клялась еврейская печать, всячески скрывая отъ себя печальную истину, что офицерамъ стоило большого труда удержать озвѣрѣвшихъ солдатъ, ожесточенныхъ постоянной охотой на нихъ бундистовъ и чуть не еженедѣльнымъ избіеніемъ русскихъ должностныхъ лицъ, падавшихъ подъ пулями еврейскихъ юношей. Печать клялась, что все это дѣло рукъ правительства, что это былъ дьявольски задуманный и выполненный планъ. Но въ полученныхъ депутатами письмахъ говорилось совсѣмъ другое,—что громили и желѣзнодорожники, и фабричные рабочіе, и пріѣзжіе изъ деревень. Повторилось то же, что было и въ другихъ городахъ: накопившаяся годами ненависть вспыхивала вдругъ, какъ гремучій газъ въ шах-

тѣ, отъ одной неосторожно зажженной спички и вызывала кровавую катастрофу. Въ Могилевѣ все предмѣстье заселено мѣщанами и, по словамъ «Страны», они уже не разъ предлагали свои услуги для избіенія евреевъ. Развѣ это не та же шахта съ гремучимъ газомъ, готовая взорваться отъ первой искры? Но докладъ въ Думѣ былъ сдѣланъ въ такомъ духѣ, что кромѣ наемныхъ громилъ, никто евреевъ не убивалъ, народъ ихъ любитъ, и никакого оскорбленія національнаго чувства тутъ не было. Значитъ покойникъ дѣйствительно умеръ, и можно опять плясать на его могилѣ.

Послѣ Бѣлостока плясали еще цѣлый мѣсяцъ. Истинно русскіе негодяи, хулиганы изъ союза русскаго народа, сыщики, шпіоны, провокаторы!—такъ и посыпалось на голову русскихъ людей. «Изъ всѣхъ норъ выползаютъ отвратительные гады,—писалъ одинъ изъ братьевъ Гессеновъ,—и все громче и наглѣе раздается ихъ змѣиное шипѣніе». Федералисты дружнымъ хоромъ подхватывали, что русскій патріотъ—это бранное слово и носить эту кличку постыдно. Они даже писали «потреотъ» и представляли его не иначе, какъ въ видѣ здоровеннаго дѣтины съ дубиной. Представленіе о дубинѣ символически напоминало имъ о томъ, что гроза гдѣ-то собирается и слово потреотъ", хоть они и пишутъ его чрезъ *о*, нисколько ихъ не веселитъ. Имъ вспоминается при этомъ Томскъ, Бѣлостокъ, Одесса, и разные другіе города гдѣ такъ любитъ ихъ народъ и такъ ненавидитъ полиція. Но имъ надо было сдѣлать это слово смѣшнымъ въ глазахъ русскаго общества. Надо увѣрить его, что порядочный человѣкъ не можетъ быть патріотомъ. Онъ непремѣнно пьяница и служитъ въ охранномъ отдѣленіи. Онъ кричитъ ура, поетъ гимнъ, а въ свободное время грабитъ на улицѣ прохожихъ. Грабить, дѣлать доносы и устраивать погромы—это его главное, чуть ли не единственное занятіе.

Лубочная картина «Крамольники въ аду» можетъ показаться невинной шуткой въ сравненіи съ тѣмъ лубкомъ, на которомъ еврейская печать изображаетъ

русскаго патріота. Это существо дикое, лохматое, бѣгающее на четвереньках. На своихъ собраніяхъ патріоты не говорятъ, а рычатъ, ревутъ, вопятъ. Встрѣчая на улицѣ жида или студента, они его немедленно подкалываютъ или бьютъ смертнымъ боемъ.

Патріоты не остались въ долгу у еврейскихъ газетъ.—«Что? мы грабители и погромщики? Ахъ, вы, красноглазые!—отвѣчаетъ московское „Вѣче“.—Нѣтъ, это вы на награбленныя жидовскія деньги вооружаетесь противъ Россіи. Молите Бога, чтобы не отмѣняли смертную казнь, а то мы сами начнемъ васъ бить. Если мы не дѣлаемъ этого теперь, то только въ надеждѣ, что васъ перевѣшаетъ законъ и безъ насъ. Но только попробуйте отмѣнить смертную казнь! Мы васъ искоренимъ, мы выбросимъ васъ изъ Россіи, чтобы вы ее не поганили. Не думайте, что вы, накупивши бомбъ на жидовскія деньги, испугаете насъ. Не безпокойтесь, антихристовы дѣтки, и у насъ кое-что припасено для васъ».

Революція остолбенѣла, когда съ нею заговорили вдругъ ея языкомъ. До сихъ поръ никто еще не осмѣливался такъ отвѣчать ей. Когда она называла монархистовъ «гадами земли русской», она никакъ не ждала, что они крикнутъ ей въ отвѣтъ: «Берегитесь, красноглазые, мы съ вами расправимся судомъ Линча!». Революція писала, что народный кулакъ уже сжимается, что общественная совѣсть возмущена и требуетъ суда надъ извергами, палачами, разбойниками, надъ этой бандой громилъ, которая называется русскимъ правительствомъ, что недолго уже горсти шакаловъ изъ черной сотни праздновать свое мерзкое пиршество. «Сгиньте черносотенцы!—приказывала она.—Прячьтесь въ свои норы, пауки кровожадные!». А шакалы-черносотенцы жарили на это стихами.

«И льется кровь святая славянина,
И гибнутъ семьи и отцы,
Все сокрушаетъ бѣтъ лавина
И торжествуютъ стервецы».

«Грубо! пошло»! возмущалась революція, не узнавая своихъ собственныхъ выраженій.—Такъ могутъ писать только истинно-русскіе негодяи»! Она восхваляла Думу и депутатовъ перваго призыва. «Они цвѣтъ и гордость націи, носители благороднѣйшихъ стремленій вѣка, защитники обездоленныхъ».

«—Кто это? Аладьины-то съ Аникиными цвѣтъ націи?—отвѣчали черносотенцы изъ «Вѣча» и тиснули опять стишки: «Бей всю Думу въ рыло, была не была!».

Послѣднее слово осталось за патріотами; по силѣ и яркости языка они затмили противниковъ. Такъ писать умѣли еще только въ пролетарскихъ газетахъ, но кадетскимъ было до этого далеко. Эти все больше повторялись насчетъ рептилій да гадовъ. Онѣ завели свой грамофонъ, и цѣлый годъ грамофонъ игралъ одно и то же, все на мотивъ романса, который исполнилъ въ Думѣ депутатъ Винаверъ: «Доколѣ не будетъ въ странѣ равенства, не будетъ въ ней мира», т. е. пока не будетъ жидовскаго равноправія,—пояснили черносотенцы.

«И это, Русь, терпѣть ты можешь?»—грянуло опять Московское «Вѣче».

«И гнѣвъ не распалишь ты свой?!
Вставайте-жъ, братья, и смѣлѣе
Тряхните силушкой—пора»!

Сепаратисты встревожились не на шутку. Г. Амфитеатровъ изъ Парижа умолялъ еврейскую печать не дѣлать никакихъ перепечатокъ изъ черносотенныхъ газетъ. Даже полемизировать съ ними не слѣдуетъ. Просто обойти ихъ молчаніемъ. Теперь порядочное общество ихъ не читаетъ, а какъ начнутъ дѣлать изъ нихъ выдержки въ уважаемыхъ еврейскихъ органахъ, то... даже страшно сказать... вѣдь ихъ будутъ тогда читать въ порядочномъ обществѣ. Конечно, «Вѣче»—это лубокъ, но вѣдь, между нами, наши-то уважаемыя газеты—развѣ это не такой же лубокъ? Развѣ онѣ не увѣрили русскую молодежь, что русскіе націоналисты бѣгаютъ на четверенькахъ? Что гораздо почетнѣе гра-

бить казенные банки, чѣмъ подать руку подлецамъ, которые называютъ себя патріотами? Развѣ онѣ не убѣдились въ томъ, что, вытуривъ ее изъ Варшавскаго университета, ей сдѣлали большую честь, а когда вытурятъ изъ Кіевскаго и Одесскаго, то покроютъ ее неувядаемой славой? Вѣдь если она этому повѣрила, значитъ грубый лубокъ имѣетъ у нея успѣхъ.

Не переоцѣнивайте своихъ силъ,—повторяетъ вслѣдъ за г. Амфитеатровымъ новая, только что народившаяся освободительная газетка «Текущіе Дни».—Пора уже перестать говорить о черной сотнѣ, а называть ее по крайней мѣрѣ черной тысячей. Пора оставить мысль, что это какое-то инородное тѣло, присосавшееся къ организму. «Да развѣ чиновникъ, рабочій, студентъ и попъ не изъ народа?»—спрашиваетъ газета. «Говорятъ, что ихъ мало, но сколько ихъ въ дѣйствительности—мы съ вами, господа не знаемъ». Первый разъ наши радикалы заговорили объ этомъ въ печати. Они думали объ этомъ давно, но сказать это громко не рѣшались. Сколько же ихъ, господа?—спрашиваютъ они, даже не подумавъ, что доставляютъ этимъ удовольствіе московскому «Вѣчу», которое навѣрное скажетъ: «Ага, испугались, красноглазые!» Давно ли поджаривали черносотенцевъ на плитѣ, и уже со страхомъ приходится считать ихъ. «Надо помнить, повторяетъ газетка, что черныя тысячи хоть и дрянной, но всетаки народъ».

До сихъ поръ красная сотня объ этомъ не думала. Всѣ патріотическія партіи до правового порядка включительно считались у нея отбросами. Несмотря на то, что программа правового порядка конституціонная, ее причислили къ отбросамъ, потому что она не признаетъ еврейскаго равноправія. До прошлаго понедѣльника, когда новая газета сказала, что черносотенцы тоже народъ, еврейская печать упорно отрицала это. Ея цѣль была доказать, что это просто разный сбродъ, и изъ порядочнаго общества никто туда не идетъ. Ни Беренштама, ни братьевъ Гессеновъ, ни братьевъ Долгоруковыхъ тамъ нѣтъ. Что такое союзъ

русскаго народа? «По свѣдѣніямъ департамента полиціи,—пишутъ еврейскія газеты,—тамъ, кромѣ босяковъ да рецидивистовъ-экспропріаторовъ (просятъ не смѣшивать съ максималистами), никого нѣтъ. Въ Одессѣ напримѣръ 60% союза состоитъ изъ босяковъ, называемыхъ въ простонародьи «кадетами» (тоже просятъ не смѣшивать съ Родичевымъ, Кокошкинымъ и др.)». Куда же однако въ демократической республикѣ дѣнутъ босяковъ? Неужели демократы будутъ сажать ихъ въ кутузку? Или они одѣнутъ ихъ въ смокинги? Въ союзѣ русскихъ людей тоже все пропойцы и обитатели ночлежекъ. Но вѣдь и безработные сплошь да рядомъ дѣлаются обитателями ночлежекъ. Господа Родичевы и Набоковы, сколько извѣстно, не приглашаютъ ихъ ночевать къ себѣ.

Оказывается такимъ образомъ совершенно неожиданно, что патріотическіе-то союзы и вербуются изъ самыхъ демократическихъ элементовъ. Даже товарищи изъ «Новой Жизни» не отказались бы пожать имъ руку. Куда же до нихъ кадетамъ, которые носятъ крахмальное бѣлье, издаютъ газеты, и даже бываютъ иногда предводителями дворянства. Патріоты оказались куда лѣвѣе ихъ, они собираютъ, голытьбу, угощаютъ ее чаемъ, бубликами, да по словамъ собственныхъ кадетскихъ корреспондентовъ, и водочкой. Но вѣдь кадеты не могутъ представить себѣ патріота трезвымъ. Имъ кажется, что въ трезвомъ видѣ онъ сейчасъ же записался бы въ ихъ партію, а какъ напьется, такъ идетъ въ союзъ русскаго народа. О правовомъ порядкѣ собственные корреспонденты сообщали, что онъ пользуется больше услугами дворниковъ. Свои воззванія партія разсылала съ дворниками по трактирамъ и чайнымъ. Вѣроятно у кадетъ ихъ разносили камеръ-юнкеры. Но, не имѣя въ своемъ распоряженіи камеръ-юнкеровъ, правовой порядокъ посылаетъ просто дворниковъ. Еврейскихъ юношей онъ тоже не можетъ посылать, потому что его программа этого не позволяетъ.

Послѣдній съѣздъ монархистовъ взволновалъ нашу печать не на шутку. Важно не то, что они монархи-

сты, а то, что черносотенцы, и вмѣсто Варшавянки, поютъ народный гимнъ. Они говорятъ, что русскіе въ Россіи у себя дома, гостей принимаютъ радушно, но гости должны вести себя прилично, иначе имъ укажутъ на дверь. Чтобы гости могли выгнать хозяевъ изъ дому, они этого рѣшительно не допускаютъ. Они кричатъ ура, служатъ молебны и собираютъ простой народъ, на который эта обстановка дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ. Въ этихъ собраніяхъ плачутъ, обнимаются, какъ во время народныхъ бѣдствій. «На бой кровавый, святой и правый!»,—зоветъ революція и посылаетъ впередъ бундистовъ. «И это, Русь, терпѣть ты можешь!»—отвѣчаютъ на кіевскомъ съѣздѣ и, кликнувъ кличъ, зовутъ русскихъ людей объединяться.

«Кіевскій съѣздъ шесть дней неистовствуетъ, шесть дней говоритъ свои смрадныя рѣчи,—волновалась еврейская печать.—Все тѣ же аплодисменты, ура, гимнъ, поцѣлуи рукъ, тѣ же рыдающія дамы... Смыслъ ихъ рѣчей, если вообще въ нихъ есть смыслъ—одинъ и тотъ же. Дума намъ не нужна, но разъ это воля Государя, мы ей подчиняемся». Корреспондентъ какъ будто даже разочарованъ. Онъ повидимому ожидалъ, что тутъ скажутъ, какъ въ московской газетѣ: «Бей всю Думу въ рыло, была не была!» Тогда по крайней мѣрѣ было бы хоть безобразіе. А то все перенесли на патріотическую почву. Вотъ это-то и опасно! На этомъ могутъ объединиться всѣ русскія партіи. Нѣтъ, этого допустить нельзя. Надо скорѣе обливать грязью патріотовъ. Вотъ, напримѣръ, въ Полтавѣ открылся отдѣлъ Русскаго собранія. Напишемъ такъ: «На открытіи отдѣла было всего 29 человѣкъ, примѣрно столько, сколько числится агентовъ въ охранномъ отдѣленіи». Пусть-ка теперь попробуютъ пойти въ эту лавочку! Дальше сообщается, что по уѣзду разъѣзжаютъ какія-то темныя, подозрительныя личности съ черносотенными воззваніями. Патріота сейчасъ узнаютъ, потому что онъ всегда темная, подозрительная личность. Свѣтлыя личности или сидятъ въ тюрьмѣ или пишутъ въ еврейскихъ газетахъ. А черносотенныя газе-

ты—«Это шпіонскія донесенія, не больше».—«Что? шпіонскія донесенія?»—откликается «Вѣче».—«А вотъ у васъ есть «Русское Слово», такъ это только по названію русская газета, наполненная писаніями разныхъ пархачей, телеграммы всѣ насквозь пропитаны чеснокомъ». Очень картины эти эпическія переругиванія двухъ крайнихъ фланговъ! Но тутъ у лѣвыхъ пороху не хватаетъ. Они еще словаря Даля въ передѣлкѣ Бодуэна-де-Куртене не читали. Они прочли только гарниръ самого Бодуэна, а самыхъ коренныхъ-то, россійскихъ словъ не успѣли еще прочесть.

Какъ только открывается гдѣ-нибудь патріотическій союзъ, такъ въ газеты летятъ корреспонденціи. «Тяжкія минуты переживало населеніе города въ день открытія союза... Впереди шла партія хоругвеносцевъ. За ней духовенство и довольно большое количество подозрительныхъ субъектовъ въ гороховомъ пальто... По пути шествія нельзя было встрѣтить ни одного живого человѣка. Лавки закрылись, все населеніе въ страхѣ попряталось по домамъ.

Союзы все открываются, грамофонъ въ газетахъ играетъ. Но какую пластинку ни заведутъ, а въ концѣ непремѣнно романсъ къ охранному отдѣленію. «Неужели правительство допуститъ такую открытую организацію черносотенцевъ?..» И на другой день опять. «Пусть правительство броситъ взоръ на эти черныя шайки! Пусть оно сдѣлаетъ это, пока не поздно!» Съ этими воззваніями къ охранному отдѣленію обращаются не только теперь, но обращались и въ дни свободъ, когда всѣ рѣшительно организаціи дѣйствовали открыто, даже самыя революціонныя. И тогда неслись вопли къ правительству. Напримѣръ союзъ русскихъ людей звалъ въ прошломъ году въ Николинъ день москвичей на Красную площадь на молебенъ. Сейчасъ же поднялся гвалтъ въ печати: «Обращаемъ вниманіе кого слѣдуетъ... Всѣ удивляются, какъ могъ московскій градоначальникъ дать разрѣшеніе на такое публичное молебствіе?» А тутъ ужъ рядомъ баррикады строили.

Ужасно не любятъ наши федералисты молебновъ. Вообще видъ креста, кадила и попа въ ризахъ вызываетъ у нихъ нервную дрожь. Православный крестъ самъ по себѣ еще могъ бы быть терпимъ, но какъ хоругвь, объединяющая русскій народъ, онъ вызываетъ такую же ненависть, какъ и двуглавый орелъ. Еще на первыхъ выборахъ въ Думу, одержавъ полную побѣду, лѣвые объявили, что на правой сторонѣ остались только плуты, только бубновый тузъ остался на сторонѣ двуглаваго орла. Тогда эта наглость сошла имъ съ рукъ, теперь они пошли дальше, они стали оскорблять религіозное чувство народа Они срывали молебны въ земскихъ собраніяхъ, являясь цѣлыми шайками на хоры и заглушая молебенъ марсельезой. Потомъ они попробовали дѣлать то же самое на призывѣ новобранцевъ. Если вѣрить ихъ корреспондентамъ, новобранцы даже въ церкви пытались запѣть марсельезу. Можетъ быть этого и не было, но имъ очень хочется, чтобы это было. Главное—пріучить народъ къ тому, что ничего святого у него нѣтъ и не должно быть. Опасно оставлять ему вѣру въ какую-нибудь общую всему народу святыню, потому что онъ можетъ тогда встать поголовно на ея защиту.

Черная сотня—это кошмаръ революціи. Еслибъ можно было истребить ее всю безъ остатка или загнать въ подполье, это значительно облегчило бы задачу, Но истребить ее нельзя, выселить ее некуда. Сдѣлать ее смѣшной и презрѣнной, какъ ни старалась объ этомъ печать, тоже не удалось. Когда кричали черносотенцамъ: «Вы отбросы, подонки, хулиганы!». Они отвѣчали: «Вы насъ ненавидите, потому что вы насъ боитесь. Наша сила въ той кровной вѣковой связи съ русскимъ народомъ, которой нѣтъ у васъ. У насъ все съ нимъ общее—вѣра, преданія, исторія, намъ одинаково дорого имя Россіи, мы всѣ, бѣдные и богатые, сильные и слабые, знаемъ, что мы дѣти одной матери. Вы Россію зовете мачихой и хотите порвать съ ней связь, отдать ее на поруганіе, видѣть ее униженной, жалкой и безпомощной. Вы кричали за

границей: не давайте ей денегъ, она ихъ промотаетъ, не отдастъ вамъ долга! Вы говорили народу: разоряй ее скорѣй, твою старую мать, жги усадьбы, закрывай заводы, подрывай торговлю, разгроми ея морскія порты Истребляй остатки ея флота, развращай армію, добивай ее до конца! Когда она будетъ, въ нищетѣ и убожествѣ, всѣми презираемая, въ жалкихъ рубищахъ, тогда мы придемъ и растопчемъ ея двуглаваго орла, порвемъ ея національное знамя»...

Что же сдѣлала черная сотня? почему она такъ страшна сепаратистамъ? Прибѣгала ли она къ бомбамъ, нападала ли изъ-за угла? Кого она убила? «Она убила Герценштейна»,—говорятъ кадеты. Она ли—неизвѣстно. Но пусть даже такъ, пусть онъ ея жертва. Гдѣ же другія? Гдѣ, кого, когда убивала она, если это не было въ законной самооборонѣ? Изъ ея рядовъ жертвы падали сотнями. Недаромъ союзъ русскихъ людей, положивъ вѣнокъ на могилу генерала Мина, написалъ на немъ: «И мы за тобой готовы».

А погромы? кричатъ Евреи. Кто виноватъ, что лилась наша кровь?—Вы сами, отвѣчаетъ имъ черная сотня. Вы прежде всего! Еслибъ вы не возбуждали въ населеніи ненависти къ себѣ, народъ бы васъ не тронулъ. Почему изъ десятковъ разныхъ народностей, которыя живутъ въ Россіи, не бьютъ никого, кромѣ васъ? Вы когда-нибудь задавали себѣ этотъ вопросъ? Почему не только мы, Русскіе, но и Поляки и въ Варшавѣ кричатъ вамъ: «Уходите къ себѣ въ Палестину!» Развѣ намъ нужна ваша кровь? Намъ нужно, чтобы вы дали намъ покой. Вы громите нашу родину, за это народъ громитъ васъ. Бросьте эту сказку, что погромы устраиваетъ полиція и правительство. Полиція имъ помогаетъ, это возможно, потому, что вы тоже убиваете ее, истребляете, гдѣ можете. Но поднять противъ васъ сто русскихъ городовъ, никакая полиція не въ силахъ. Еслибъ вы сами не подкладывали дровъ въ костеръ, костеръ бы не запылалъ. И нѣтъ въ Россіи власти, которая могла бы остановить эти погромы. Это могла бы сдѣлать одна только власть

—ваша собственная. Отъ васъ зависитъ положить имъ конецъ. Относитесь по-человѣчески къ русскому народу, и онъ будетъ жить съ вами въ мирѣ. Безъ этого никакія министерства, ни кадетскія, ни ваши еврейскія, не спасутъ васъ отъ его гнѣва.

Черная сотня тѣмъ и страшна еврейству, что она въ стойкости не уступаетъ ему. Въ ней баринъ и босякъ охвачены однимъ чувствомъ—горячей любви къ родинѣ. Отдавая ее на потокъ и разграбленіе инородцамъ они не хотятъ. За русскими есть огромная нравственная сила—вѣра въ свою родину, и она не обманетъ ихъ.

Всѣ русскія партіи должны сплотиться, и не во имя какихъ нибудь политическихъ программъ, за нихъ онѣ будутъ бороться потомъ, а противъ одного общаго врага, который угрожаетъ Россіи.—и врагъ этотъ сепаратизмъ. Надо спасать прежде всего цѣлость государство, а потомъ уже думать о томъ, какъ лучше его устроить. Монархисты и конституціоналисты, всѣ, у кого бьется русское сердце въ груди. должны стать на защиту русскихъ интересовъ. Когда врагъ у воротъ, дѣлиться на партіи не время. А какъ велика опасность, надо спросить тѣхъ, кто живетъ на окраинахъ. Недаромъ г. Гессенъ сказалъ какъ-то, что вопросомъ объ автономіи противники кадетской партіи пользуются «играя на самыхъ низкихъ струнахъ человѣческаго сердца: они говорятъ, что автономія окраинъ—это путь къ разрушенію государственнаго единства Россіи». Да, г. Гессенъ не ошибся. Русскіе патріоты дѣйствительно играютъ на этихъ струнахъ. Разрушать Россію они не собираются и всѣми силами будутъ бороться противъ этого. Но самыя ли это низкія струны человѣческаго сердца, объ этомъ судить не господамъ Гессенамъ! Когда хотятъ сломать чей-нибудь домъ, то спрашиваютъ на это согласія хозяина, а не прохожихъ.

Не надо забывать, кто нашъ врагъ. На международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Лондонѣ полякъ и соціалистъ Дашинскій сказалъ:

—Россію нужно разрушить, а на ея мѣстѣ должны возникнуть новыя соціалистическія организаціи.

Запомните это, русскія національныя партіи, запомните всѣ, какихъ бы убѣжденій вы не были! «Россію надо разрушить»... Если вы не пойдете вмѣстѣ и не сплотитесь теперь же, если вы не соберетесь у одной хоругви, у русскаго національнаго знамени, пусть эти зловѣщія слова не выходятъ у васъ изъ памяти. «Россію надо разрушить».

— И это, Русь, терпѣть ты можешь?—спрашиваютъ съ негодованіемъ черносотенцы.

— Молчите, рабы!—отвѣчаютъ имъ изъ другого лагеря.—Вы провалились съ вашимъ патріотизмомъ. Кого изъ васъ послали въ Думу? Мы—народные избранники, насъ послалъ народъ. Посмѣйте сказать, что это неправда!

— Правда,—сознаются черносотенцы.—Васъ дѣйствительно послалъ народъ, но только... обманутый вами народъ Когда обманъ раскроется, вашему царству придетъ конецъ. И на бой кровавый, святой и правый, русскій народъ пойдетъ тогда не съ вами, а противъ васъ.

С. Смирнова.

Перепечатано изъ газеты «Новое Время» 1906 г. № 11020.
Екатеринославъ, Типографія Братства Св. Владиміра.

